

людьми, сохранившими переданное им поколением диаспорой из уст в уста. А художественно-философские проблемы, поднятые в романе «Дети диаспоры», как раз во многом и являются предметом как его личностных переживаний, так и целого поколения его диаспорных соотечественников.

Один из ключей к тайнам романа вообще связан с особенностями повествовательной структуры. Перед М. Кандуром стояла сложная задача; материал, касающийся величайшей трагедии, диктовал «свои условия» создания масштабного, «полифоничного» (М. Бахтин), внутренне напряженного исторического романа. Писатель понимал, что обычное объективированное эпическое повествование от третьего лица, широко распространенное в литературе, не подойдет для передачи труднейшей и тяжелой фабулы, тем более что сюжет в хронологии своей разворачивался в шесть томов. И он выбрал многоступенчатую структуру повествования, которая обретает разные повествования в зависимости от периода, которому посвящен роман: от повествования от третьего лица до диалогового решения художественных задач.

Именно феномен притяжения к своему народу и становится движущей энергетической силой, определяющей становление Кандура как яркой творческой индивидуальности, заметной в общеадыгском литературном процессе.

Цикл кавказских романов М. Кандура стал крупным явлением в истории национальной литературы. Он дает в развернутой романной форме генезис духовности народа, решает этнософские проблемы через раскры-

тие внутренних этнокультурных процессов, диалектики *лъапсэ*, а наряду с ней – *адыгэ хабзэ* и *адыгагъэ*.

Таким образом, кавказский цикл исторических романов М. Кандура является историко-философским произведением со сложной повествовательной структурой и художественной системой образов. Это крупное явление в адыгской и в кавказских литературах в целом. М. Кандур впервые открыто и масштабно поставил важнейшие проблемы истории Кавказской войны XIX столетия в диаспорной и адыгской национальной литературы в целом. Эти романы во многом служат правдивой летописью как истории прошлого, так и современной истории, выраженной художественным словом.

L. Balagova-Kandur

ETHNO-CULTURAL PRINCIPLES OF NOVELS BY MUKHADIN KANDURA (REGARDING A PROBLEM OF INTEGRAL STUDY OF ADYG NATIONAL PROCESS)

Abstract: L. Balagova is studying a novel work of one the most famous representatives of adyg diaspora in her research work “Ethnocultural principles of novels by Mukhadin Kandura (Regarding a problem of integral study of adyg national process)”. The author of the book is researching genre specificity and explores deep roots of the novel and originality of Kandura’s art culture. Actuality of the work is first of all determined by an integral correspondence of art mentality of the novelist and narrative abilities of national novel.

Key words: etiquette, mentality, national novel, art mentality.

УДК 821 (7/8).09

Баранова К.М.

ВЕДУЩИЕ ЛЕЙТМОТИВЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА*

Аннотация: В статье рассматриваются различные точки зрения на период возникновения американской литературы и анализируются ведущие лейтмотивы в ранних произведениях колониального периода – предопределение, избранность и трудолюбие. Основной акцент ставится на интерпретации каждого из перечисленных лейтмотивов в

работах ведущих литераторов американской словесности XVII века.

Ключевые слова: Новая Англия, религиозная составляющая, Божий промысел, интерпретация, избранный, трудолюбивый.

Как известно, в XVII веке в Северной Америке возникают три вида колоний: 1) южные поселения, созданные в Виргинии, 2)

* © Баранова К.М.

средние, образованные вокруг Нью-Йорка и Филадельфии, и 3) северные колонии Новой Англии. Жители вышеперечисленных ареалов изначально ставили перед собой разные цели, а потому в период зарождения американской словесности и возникающие в них произведения литературы, определенным образом отличались друг от друга.

Общеизвестным является тот факт, что основатели северо-западных поселений в большинстве своем прибыли на неизведанные земли Северной Америки, руководствуясь идейными соображениями. Новоанглийские колонисты сознательно порывали связь со своей родиной и выражали вызов всему старому, базировавшемуся на неверных, с их точки зрения, религиозных убеждениях. Они ставили перед собой высшую цель – распространять единственно правильную веру – протестанство – на неосвоенных территориях, выступать в роли «Христово воинства» (*soldiers of Christ*), отправляющегося в пустыню, чтобы сразиться с Дьяволом, построить *Град на Холме (a City upon a Hill)* и служить Всевышнему в западном мире, способствуя возведению церковью истинного Бога (*implanting the churches of Christ*) [5: 47].

Данная цель четко сформулирована во многих записях очевидцев и участников событий тех лет – в работах Уильяма Брэдфорда, Джона Уинтропа, Эдварда Джонсона, а позднее Коттона Мезера и других. “*Wee must consider that we shall be a City upon a Hill...*” [7: 94], подчеркивал Джон Уинтроп в своей знаменитой проповеди «Образец христианского милосердия» (“*Model of Christian Charity*”), произнесенной на борту отплывшей в Америку Арбеллы.

Подобных целей у представителей южных поселений не было. Прибыв в Виргинию, они сразу вступают на *Землю Обетованную*, где обнаруживают плодородный край, своеобразную «долину изобилия». Кроме того, вероисповедание жителей средних и южных колоний заметно отличалось от типичных для Новой Англии протестантизма и пуританизма. Как замечает В.И. Солодовник, уже в этот период становятся заметными «признаки серьезной духовной несовместимости» [3: 35], и наблюдается религиозное противоречие идей севера и юга. Таким образом, с самого начала возникает определенное противостояние и появляется основание для религиозного конфликта между поселенцами, представителями различных конфессий, что в дальнейшем найдет свое выражение в борьбе за чистоту пуританской веры и станет причиной доволь-

но жестокого отношения колонистов-пуритан к инакомыслию.

В данной статье нас, прежде всего, интересует именно творчество литераторов Новой Англии, так как на протяжении долгого времени центром культуры, печатного слова, зарождения новых идей являлся именно округ Массачусетс. Собственно, наиболее значительные произведения раннеамериканской словесности появились именно здесь.

Изложение событий в трудах авторов вышеуказанных поселений было, в большой степени, ограничено пуританским мировоззрением, которое разделяли практически все жители Новой Англии, испытывая пиетет по отношению к религии и собственной секте. И, тем не менее, они пытались анализировать происходящие события и интерпретировать их, естественно, руководствуясь не только своими убеждениями. В знаменитой «Литературной истории США» под редакцией Спиллера, Торпа и др. подчеркивается: “*These articulate founders of New England ... not only were educated gentlemen, but were well educated. Within certain narrowing limits of their religious beliefs, they were able to discern and to think clearly. It was inevitable that they should want to write about what they were doing. They were individuals and individualists that is why they came to America in the first place. They displayed in common the pietism of their sect, and they thought in terms of their own consequent concept of the Deity*” [8: 34].

Таким образом, можно заключить, что пуританское мировоззрение, которое было характерно для большинства переселенцев североамериканского континента, явилось основополагающим для новой культуры и литературы. Иными словами, закономерно рассматривать религиозную составляющую в качестве одного из существенных аспектов в структуре американской словесности в период ее зарождения в XVII веке.

Религиозно-философские воззрения пуритан Новой Англии были перенесены в Америку из Европы и, соответственно, в основу всех первых литературных трудов северо-западных колоний того периода легли идеи об определяющей и абсолютной роли Божественного провидения. Человек, с этой точки зрения, не мог быть свободным в выборе жизненного пути, ибо последний уже заранее определен для него Господом. Идея предопределения (PROVIDENCE) была выражена почти во всех произведениях колониального периода, в том смысле, что Божий промысел определяет поступки людей и лежит в основе

их решений. В мире нет места случайности. Все в мире предрешиено, и Творец решает, что и каким образом должно произойти.

Появление этого лейтмотива (PROVIDENCE) четко прослеживается, например, в работах Джона Уинтропа. В упомянутой выше проповеди он постоянно апеллирует к святому и мудрому провидению, доказывая неизбежность существующего порядка вещей: *“God Almighty, in his most holy and wise providence, hath so disposed of the condition of mankind, as in all times some must be rich, some poor, some high and eminent in power and dignity, other mean in subjection”* [9: 282]. Все в жизни предрешиено, подчеркивает автор проповеди. Существующее расслоение людей в обществе оправдано Всевышним: *“All men being thus (by divine providence) ranked into two sorts, rich and poor...”* [там же].

Почитание Божественной силы было естественным как для населения европейского континента XVII века, времени, когда первые переселенцы достигли побережья Северной Америки, так и для них самих. Колонисты полностью полагались на Божий промысел. В этом отношении весьма показательным является цитируемое во втором абзаце статьи начало цитируемой выше «Литературной истории США» (*“Literary History of the United States”*), в котором подчеркивается, что первые европейские переселенцы на североамериканском континенте отдавали себе отчет в том, что на новой родине кроме как на помощь Господа (PROVIDENCE) и самих себя им надеяться было не на что.

Обращение к Божьему промыслу повсеместно встречается на страницах знаменитой работы Уильяма Брэдфорда «История поселения в Плимуте» (*“Of Plymouth Plantation”*). Так, например, описывая злоключения первых колонистов, губернатор Плимутской колонии пишет: *“So they committed themselves to the will of God and resolved to proceed...”* и подчеркивает далее *“... as by God’s providence they did”* [5: 12]. Этот же факт характерен и для другого колониального автора – Эдварда Джонсона (1598-1672), который прибывает в Бостон в 1630 году вместе с Джоном Уинтропом, будущим губернатором поселений Массачусетского залива. Эдвард Джонсон заметно отличался по своему социальному статусу от вышеперечисленных авторов. Не имея университетского образования и занимая должность всего лишь корабельного плотника, он, тем не менее, сумел написать книгу, «где идея личных испытаний на пути к спасению сливается с идеей особой миссии,

выполняемой англичанами в Америке ...» [2: 140].

Эдвард Джонсон даже выносит термин *providence* в заглавие своей работы *“The Wonder-working Providence of Sion’s Saviour in New England”*. В своем произведении литератор постоянно обращается к промыслу Божьему. Так, описывая торговые отношения с индейцами, он замечает, *“this was the first working providence of Christ to stir up our English nation, to plant these parts in hope of a rich trade for beaverskins...”* [5, 42].

Доктрина предопределения и благодати, занимая центральное место в пуританской идеологии и, соответственно, в пуританской литературе, появляется в произведениях XVII века в нескольких толкованиях. С одной стороны, это предрешиение всего, что может произойти с человеком. С другой стороны, предопределение – это предназначение человека.

Как указывалось выше, колонисты считали для себя необходимым распространять веру в Христа и открывать новые церкви на всей территории Северной Америки. По замечанию Эдварда Джонсона именно в этом заключалась их миссия: *“... this army of Christ at their coming over found as fit helps to further their design in planting the churches of Christ; who by a more admirable act of his Providence not long after prepared for his peoples’ arrival as followeth”* [5: 43].

Относительно же того, как идея промыслительности трактовалась в ранних произведениях американской словесности, можно сказать, что с этой точки зрения особое место в пуританских сочинениях занимали описания неких знаков судьбы, Божественных предначертаний, символов. Подтверждением этого положения, например, могут служить записи Джона Уинтропа, губернатора Массачусетской колонии, сделанные им в «Дневнике», который он вел в течение целого ряда лет. Так, он пишет, что 15 августа 1648 года во время проповеди в открытую дверь здания церкви вползла змея. Испугавшись, многие прихожане отстранились от нее, и только одному мистеру Томпсону, глубоко верующему человеку, суждено было избавиться от нее прихожан, в чем Уинтроп усматривает силу провидения: *“This being so remarkable, and nothing falling out but by divine providence...”* [5: 52].

Заметим также, что змея в христианской литературе традиционно символизирует как самого Дьявола, так и его порождение, следовательно, избавление от нее, безуслов-

но, являлось благословенным актом со стороны Господа. Подробная интерпретация различных житейских событий в качестве провиденциальных проявлений отмечается в работах Джона Уинтропа, Анны Бредстрит, Эдварда Джонсона, и, безусловно, Джонатана Эдвардса. Все эти авторы на первый план выдвигали идею *Предопределения*, которая оказалась одним из наиболее значимых лейтмотивов для всей последующей литературы Северной Америки. Таким образом, можно заключить, что лейтмотив предопределения зарождался в самых первых произведениях формирующейся нации.

Признавая наличие явного суверенитета Божественного начала и промыслительность людских поступков, переселенцы-пуритане высказывают твердую уверенность, что они избраны Богом для исполнения особой миссии на этой земле. Они убеждены, что являются Божьими избранниками, так как исповедуют истинную веру. Поскольку все в мире предопределено Творцом, то именно Он вычленил из общей массы людей тех, на ком лежит печать избранности. Безусловно, с точки зрения североамериканских колонистов Новой Англии, к подобным избранным относятся, прежде всего, члены пуританских общин.

Тема избранности (WORTHINESS), по сути являющаяся основанием национального самосознания американцев, также прослеживается во многих письменных источниках Новой Англии той эпохи. Так или иначе, она затрагивается в произведениях Уильяма Брэдфорда, Джона Уинтропа, Инкриса Мэзера, Эдварда Джонсона, Натаниэля Уорда, Коттона Мэзера и других.

Безусловно, развитие этой темы также базируется на библейских постулатах. Религия проникала во все аспекты общественной и частной жизни переселенцев, подчиняла себе всю литературную деятельность первых пуританских авторов. Как уже отмечалось, в основе пуританизма лежит вера в непререкаемую власть Бога над человеком, который по своей природе грешен. Этот постулат влечет за собой признание неотвратимой кары за содеянное и гибели большинства людей в час расплаты за свои грехи. Однако Господу угодно спасти немногих избранных им (WORTHY, ELECT, CHOSEN), к которым, естественно, новоанглийские колонисты относили самих себя.

Согласно выбранной ими доктрине избранничества, основанием для спасения являются не дела человека, но лишь Божья

милость. Ограничивая себя во всем, представители этого религиозного течения верят, что только суровые законы жизни по библейским заповедям являются единственно возможной основой их бытия. Как пишет А.А. Елистратова, «пуритане Новой Англии верили, что каковы бы ни были добрые дела человека, они слишком ничтожны, чтобы оправдать его в глазах бога. Будущие загробные судьбы людей считались заранее предопределенными. Большинству были уготованы адские муки. Избежать кары, нависшей над человечеством в силу его наследственного соучастия в грехопадении Адама, могли лишь немногие «избранные», на которых почил в качестве особой милости господня благодать» [1: 22].

При этом колонисты-пуритане проводили определенную параллель между собой и жителями древнего Израиля, которым было предначертано уничтожить Хананеев с их идолами. В главе 6 Второзакония подчеркивается избранность израильтян Всевышним: *“the Lord your God has chosen you out of all the people on the face of the earth to be his people, his treasured possession. The Lord did not set his affection on you and choose you because you were more numerous than other people, for you were the fewest of all peoples. But it was because the Lord loved you and kept the oath he swore to your forefathers that he brought you out with a mighty hand and redeemed you from the land of slavery, from the power of Pharaoh king of Egypt”* [10]. Аналогичным образом трактовали идею избранности по отношению к самим себе колонисты-пуритане Новой Англии.

Именно они, как подчеркнуто в вышеуказанной проповеди Уинтропа, отплывающие на североамериканский континент, избраны Богом, а потому должны осознавать, насколько члены их общины отличны от всех остальных. Следовательно, им надлежит исполнить возложенную на них миссию, обозначенную как служение Господу: *“when ten of us shall be able to resist a thousand of our enemies, when hee shall make us a praise and glory, that men shall say of succeeding plantations: the lord make it like that of New England...”* [7: 94].

Эта вера в свою исключительность, принадлежность к кругу избранных не могла не найти отражение в тех проповедях, богословских трактатах, дневниках колонистов Новой Англии, которые принято рассматривать в качестве истока раннеамериканской литературы (*pre-national literature*).

Первым среди целого ряда подобных работ является уже упоминавшийся выше дневник У. Брэдфорда *“Of Plymouth Planta-*

tion". Завершая четвертую главу первой части своего повествования, он прямо указывает на исключительность всей общины и ее членов, подчеркивая их особое предназначение: *"But their condition was not ordinary; their ends were good and honorable; their calling lawful, and urgent; and therefore they might expect the blessing of God in their proceeding. Yea, though they should lose their lives in this action, yet might they have comfort in the same, and their endeavors would be honorable"* [6: 48].

Категория избранности является своеобразным мерилем ценностей в обществе первых поселенцев Новой Англии того времени. Все люди, на их взгляд, делятся на достойных и недостойных. При этом первые – это те, кто совершает благие поступки, угодные Создателю, а значит, их можно рассматривать как безгрешных, то есть избранных Богом.

О подобном поведении некоторых переселенцев упоминает Брэдфорд, описывая тяготы путешествия через океан на корабле *Mayflower*. Он отмечает, что суровые условия, в которых проходило путешествие, послужили причиной болезни для многих из тех, кто находился на судне. Однако команда не сочла нужным и возможным оказывать помощь путешественникам-пуританам, в то время как последние всячески пытались облегчить существование заболевших, независимо от того, принадлежали они к общине или нет. Именно этих людей, а не моряков автор хроник относит к категории избранных и характеризует их как *"worthy to be remembered"* [5: 20]. Все это документально подтверждает вывод о том, что поселенцы, начавшие возведение Нового Плимута, полагали себя людьми особенными.

Идея избранности американцев и исключительности всей нации проходит красной нитью через все лучшие литературные образцы Новой Англии колониального периода, что неудивительно, ибо, повторимся, отправившееся через Атлантический океан ощущали себя Божьими посланниками: *"they were God's chosen engaged in a holy crusade for Christ against his enemies in the wilderness"* [5: 42]. Именно в этом ракурсе трактуется рассматриваемый феномен и у Уильяма Брэдфорда, и у Джона Уинтропа, и у Эдварда Джонсона, а позднее у Коттона Мэзера. Исполнителей Божьего провидения, то есть людей, готовых переехать в Америку, Джонсон и рассматривает как избранных (*chosen*): *"Now let all men know the admirable acts of Christ for his churches, and chosen...."* [5: 46].

Лейтмотив избранности звучит и в ра-

ботах Котона Мэзера (1663-1728), известного богослова колониальной Америки. Рассматривая в своей книге «Великие деяния Христа в Америке» (*"Magnalia Christi Americana"*) жизнь У. Брэдфорда, проповедник неоднократно подчеркивает исключительность губернатора колонии Плимута, характеризуя его как *"this worthy person"* и рассматривая общину колонии Плимута как избранных людей, как народ, выбранный Господом: *"these people of God"* [5: 109; 115]. В другой своей известной работе «Чудеса Невидимого мира» (*"The Wonders of the Invisible World"*) Котон Мэзер подробно описывает Сэйлемский процесс. Уже в первых строках этого произведения читатель сталкивается с избранными людьми, к которым автор причисляет первых поселенцев Новой Англии: *"The New Englanders are a people of God settled in those which were once the devil's territories"* [5: 96].

Таким же образом трактует идею избранности Натаниэль Уорд, автор знаменитого «Сапожника из Аггавам» (*"The Simple Cobbler of Aggawam"*), который оставил значительный след в литературе колониального периода, хотя и не связал полностью свою жизнь с американским континентом, прожив в Массачусетсе 12 лет и вернувшись назад в Англию. Проводя в своих произведениях типичное для литературы пуританизма противопоставление царства Господа царству Сатаны, автор подчеркивает, что Сатана не может повлиять на избранных, расставляя свои сети и пытаясь поймать в них сомневающихся: *"Though that dragon cannot sting the vitals of the elect mortally..."* [5: 65].

Следовательно, можно сделать вывод, что перенесенная на американскую почву, тема избранности формирующейся нации получает четкое оформление практически во всех произведениях колониального периода и может рассматриваться также в качестве одной из основополагающих составляющих базиса национального самосознания, которое словами американских литературоведов может быть выражено следующим образом: *"we are God's chosen people in paradise regained"* [5: XX].

Как указывалось выше, жители северных колоний собирались заниматься именно строительством Нового Иерусалима, создавая своим трудом пуританский град на Холме. Естественно, что идея трудолюбия (INDUSTRY) находит яркое отражение в произведениях раннеамериканской литературы. Дело в том, что именно труд поселенцев явился

фундаментом основания первых колоний. В литературных произведениях того времени мы находим довольно подробные описания трудовой жизни общин. Анализируя работы первых американских литераторов, можно почувствовать, ЧТО пришлось пережить выходцам из Европы.

Так, у Брэдфорда на страницах его произведений мы находим постоянное упоминание о тяжести труда поселенцев, о болезнях, которые их подстерегают, о необходимости противостоять погодным условиям и т. д.: “... the house which they had made for a general rendezvous by casually fell afire, and some were fain to retire aboard for shelter; then the sickness began to fall sore amongst them, and the weather so bad as they could not make much sooner any dispatch” [5: 23]. Само основание поселения представлено у автора как своеобразное преодоление.

Выходом из того неимоверно трудного положения, в котором оказались колонисты Плимута, был тяжкий, изнурительный труд. Именно трудолюбие и мужество спасают переселенцев от верной гибели. Брэдфорд подчеркивает, что наиболее сильные духом колонисты помогали остальным не только выжить, но и начать укреплять свое материальное положение: “And of these, in the time of most distress, there was six or seven sound persons who to their great commendations, be it spoken, spared no pains night or day, but with abundance of toil and hazard of their own health, fetched them wood, made them fires, dressed them meat, made their beds, washed their loathsome clothes, clothed and unclothed them” [7: 88].

Будучи протестантами, они безоговорочно признают необходимость трудиться, быть активными в жизни, стремиться проявить и максимально реализовать все те способности, которыми наградил их Бог: “They were a tough and hard-working people” [4: 5]. Труд и только труд, как подчеркивает У. Брэдфорд, лежит в основе благосостояния человека, именно труд он рассматривает как важнейшую предпосылку успешной жизни.

Данная тема достаточно рельефно обозначена также и у Джона Уинтропа. В этом отношении интересен его Дневник (*Journal*). Дело в том, что переселенцы-пуритане, основавшие Новую Англию, полагали трудолюбие базисной категорией, с одной стороны, потому, что им приходилось упорно трудиться, обустроивая свои жилища, а с другой стороны, культ труда был им свойственен, поскольку лежал в основе их убеждений, и они

получали от него удовольствие: “they made a fetish of hard work; but that was not only because these people had work to do in making new homes in a comparatively unfertile land with a chilly climate, it was also because they genuinely enjoyed hard work” [5: 34].

Жизнедеятельность поселения, процветание его жителей, по мнению Уинтропа, напрямую зависят от совместной работы всех его членов, от их труда на общее благо: “...wee must entertaine each other in brotherly Affection, wee must be willing to abridge our selves of our superfluities for the supply of others necessities, wee must uphold a familiar Commerce together in all meekness, gentleness, patience and liberality...always having before our eyes our Commission and Community as members of the same body” [7: 93-94]. При этом община рассматривается в виде тела, в котором все его части взаимозависимы и не могут существовать друг без друга, а каждая из них обеспечивает успешное функционирование всего организма в целом.

Сравнивая жизнь членов общины с функционированием организма, Уинтроп подчеркивает, что деятельность каждого поселенца и его благосостояние обеспечивают процветание всей колонии, но забота об общем достатке должна перевешивать личные интересы. По его мнению, конкретные поместья не могут существовать и кормить своих владельцев, если происходит крах общественного: “In such cases as this, the care of the public must oversway all private respects, by which not only conscience, but mere civil policy, doth blind us. For it is a true rule that particular estates cannot subsist in the ruin of the public” [9: 288].

В работах указанных авторов явно оформлена цель создаваемого поселения, а именно, организация колонии ради общего блага. Труд колонистов мог обеспечить успех, только если работа была общей, если все жители колонии принимали в ней участие, на чем, например, также настаивал и губернатор Брэдфорд: “One day called Christmas-day, the Governor [William Bradford] called them [all the colonists] out to work, (as was used)” [6: 84].

Только трудом всей общины можно было создать новое поселение, а трудолюбие оказывалось тем качеством, без которого освоение неизведанного континента было просто невозможным. Если задаться вопросом, почему именно эта категория трудолюбия выходит на один из первых планов в хрониках указанных авторов, то ответом на него,

скорее всего, будет невозможность выжить в суровых условиях без постоянной, упорной и достаточно тяжелой трудовой деятельности ради выживания колонии.

Лейтмотив трудолюбия не менее значим и в более поздних работах колониального периода. Так, Котон Мезер в «Великих деяниях Христа в Америке» (*“Magnalia Christi Americana”* или *“The Ecclesiastical History of New England from Its First Planting”*), характеризуя деятельность губернатора колонии Плимута У. Брэдфорда, представляет его как достойного отца-пилигрима. Проповедник подчеркивает, что трудолюбие этого известного колониста достойно всяческой похвалы: *“He had with a laudable industry been laying up a treasure of experiences...”* [5: 112]. Котон Мезер всячески восхваляет предпринятые Брэдфордом усилия для того, чтобы труд по-прежнему воспринимался членами общины как насущная составляющая их жизни (*“that industry might not flag”* [5: 113]), ибо именно на нем в большой степени было основано благополучие всей колонии.

Подводя итоги исследованию третьего лейтмотива, значимого для американской литературы рассматриваемого периода, можно сказать, что анализ записок, дневников и хроник колониальных авторов убедительно показывает, что трудовая деятельность переселенцев Новой Англии была направлена, прежде всего, на выживание. Однако этот вывод не стоит трактовать слишком прямолинейно и однозначно. Заметим, что в силу своих религиозных убеждений и воспитания протестанты, как было показано выше, получали от своей деятельности значительное удовлетворение.

Подчеркнем, что истоки зарождения концепции трудолюбия, прежде всего, прослеживаются в произведениях таких авторов, как Уильям Брэдфорд и Джон Уинтроп. Данная тема звучит у большинства авторов-пуритан как идея прославления труда не только на благо общего дела с целью процветания новой родины, но и ради обеспечения собственного благополучия. Заметим, что лейтмотив трудолюбия, сформулированный в литературных произведениях Новой Англии XVII века, переходит как важная деталь в работы Б. Франклина и становится основой нравственно-философской системы великого просветителя и его последователей.

Завершая анализ категорий *предопределения, избранности и трудолюбия*, можно сделать вывод, что они составляют философскую основу раннеамериканской словесности и

в качестве ведущих лейтмотивов пронизывают творчество наиболее значительных колониальных авторов. Естественно, что эти постулаты, соответствовать которым было готово подавляющее большинство колонистов, с течением времени видоизменяются, преобразовываются, зачастую наполняясь иным содержанием, а иногда даже будут противоречить провозглашенным канонам. Тем не менее, анализируя генезис лейтмотивных тем в раннеамериканской литературе, оказывается возможным выделить именно эти три категории в качестве ведущих тем и идейных истоков американской литературы. При этом заметим, что все они прослеживаются в произведениях литературы США более поздних эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История американской литературы. – Т. 1 / Авт.: А.И. Старцев, А.А. Елистратова. – М., Л., 1947.
2. История Литературы США. – Т. 1. – М., 1997.
3. Солодовник В.И. История литературы США: нравственный идеал через века. – Краснодар, 1997.
4. American Literature. The Makers and the Making. Book A. Beginnings to 1826 ed. by C. Brooks, R.W.B. Lewis, Robert Penn Warren. N.Y. 1974. – 323 P.
5. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y. 1962. – 614 P.
6. Bradford W. History of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 P.
7. The Harper Single Volume American Literature 3-d edition. Longman, 1999. – 2867 P.
8. Literary History of the United States ed. by R.E. Spiller, W. Thorp, T.H. Johnson, H.S. Canby. N.Y., 1963. – 1511 P.
9. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell, Vol. 2, Boston, 1931. – P. 283-295
10. Режим доступа: Deuteronomy 7: 6-8, New International Version http://www.biblegateway.com/passage/?book_id=5&chapter=7&version=31&context=chapter

К. Баранова

LEADING LEITMOTIFS OF THE AMERICAN COLONIAL LITERATURE

Abstract: The article deals with the different points of view on the problem when pre-national literature appeared in America. The leading leitmotifs – providence, worthiness, industry – which one can come across in the early colonial works are subjected to analysis. The main accent is laid upon the interpretation of each of the mentioned above motifs in the way they are presented in the leading works of the colonial authors.

Key words: New England, religious constituent, Divine Providence, interpretation, the elect, hard-working.